

Денис Мацуев

ОН ФАНАТ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ И ФУТБОЛА. МУЗЫКАНТ. СПОРТСМЕН. И, ЕСЛИ БЫ НЕ РОДИТЕЛИ, ЕГО ВЫБОР ВПОЛНЕ МОГ БЫТЬ ДРУГИМ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СЕГОДНЯ ДЕНИС МАЦУЕВ — ОДИН ИЗ САМЫХ ВОСТРЕБОВАННЫХ В МИРЕ ЛЮДЕЙ. ЕГО ЖИЗНЬ РАСПИСАНА ДО 2014 ГОДА. В МОСКВЕ — ВСЕГО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДНЕЙ В ГОДУ, В РОДНОМ ИРКУТСКЕ — И ТОГО МЕНЬШЕ.

ФОТО Павел Антонов

ФОТО Павел Антонов

Денис, однажды вы сказали: «Музыка звучит во мне постоянно». Что имели в виду?

А как иначе? Надо учить новые произведения и вспоминать те, которые знал, но отложил. Скажем так: эту функцию сложно выключить. Я ведь учусь не только тогда, когда сижу за инструментом, но и в ресторане, в самолете... Просто смотрю ноты, и мозг запоминает информацию. Дошло до того, что я во сне начал заниматься, — это высший пилотаж! Когда просыпаюсь и подхожу к фортепиано, то место, которое учил во сне, уже лучше получается. Еще Нейгауз, патриарх фортепианного искусства, говорил, что это один из способов разучивать новые произведения.

А как реакция на мир — звучит?

Скорее наоборот. Когда учишь произведение, в жизни ведь тоже что-то происходит. И когда я, уже выучив, исполняю его на сцене, вспоминаются те моменты, которые были важны для меня во время постижения образа. Хорошо помню, как в первый раз играл концерт Шостаковича № 2 (мне было одиннадцать лет), — в тот момент я сильно переживал по поводу хоккейных матчей во дворе. Потом я его отложил, не играл больше восемнадцати лет. А когда недавно восстановил, сразу вспомнил тот период — как рубился с мальчишками, ломал руки... Все это отчетливо всплыло у меня в памяти.

Знаю, что большое значение для вас имеют еще и запахи.

Да, для меня любой запах — новость. И каждый с чем-то ассоциируется — с городом, музыкой, человеком, с какими-то моими переживаниями. Это очень здорово! Когда вспоминаю о чем-то, сразу чувствую запах. Например, тот далекий, детский, который возникает, когда иду по берегу реки Ангары в Иркутске. В нем все — та улица, и тот двор, и дом, где до сих пор сохранилась моя квартира. Я специально не делаю в ней ремонт, чтобы была возможность ощутить запах двадцатилетней давности.

Вот такой я ностальгический и трогательный человек — обожаю вспоминать свое советское про-

шлое! Люблю смотреть передачи, фильмы того времени. Я, хоть и родился немножко позже, ощущаю дух 1960-х годов. И ностальгирую по ним, чувствую, что сам оттуда. Мои родители-шестидесятники до сих пор вместе. Познакомились, когда мама слезала с дерева (будучи, наверное, классе в шестом) — папа ее подхватил. С тех пор не расстаются — и всегда и везде со мной. У нас в доме был особый стиль воспитания. Мне, маленькому, передавали все новости театральной жизни Москвы и Иркутска — держали в курсе событий. Все это, конечно, сказалось.

Вы стали театралом?

Да, я театральный человек. Вырос в Иркутском драматическом театре, на моем папе держалась вся театральная музыкальная жизнь. И, приехав в Москву, я сразу же по-

Дошло до того, что я во сне начал заниматься, — это высший пилотаж!

бывал во всех театрах. Познакомился с артистами, которых знал, когда был совсем маленьким. Настоящее потрясение! И не только с артистами, а и, скажем, с членами политбюро, портреты которых висели на здании обкома партии рядом с моим домом в Иркутске. Я тогда не понимал, кто это, — было страшно интересно! **Теперь вас, наверное, ностальгически тянет в театр «Современник» — там тоже свое «политбюро» у входа висит!** Да, во главе с Галиной Борисовной. Грандиозная женщина! В 1985 году она не пустила меня в театр: спектакль «Спешите делать добро» оказался не для маленьких детей. А потом мы с ней близко подружились. Она ходит на мои концерты, я — на спектакли театра «Современник». И каждый раз говорю: «Спасибо, Галина Борисовна, что пускаете!» Так что я, похоже, родился не в то время...

А как насчет XIX или XVIII веков?

Это само собой! Безусловно, я бы хотел жить во времена Шопена

и Рахманинова, с творчеством которого очень близко соприкасаюсь — как и с его фондом, и с его внуком. Я записал неизвестные произведения Рахманинова в Швейцарии, на берегу Люцернского озера, где он жил. Для музыканта это нечто особенное — жить в доме композитора, играть на его рояле... А сейчас я возглавляю его фонд.

Не тоскуете по Иркутску? Знайки говорят, что Байкал — это «место силы», а значит, оттуда трудно уехать.

Очень! По энергетическому воздействию, могучему и глубокому во всех отношениях, Байкал — самое «зловещее» (в хорошем смысле слова) место. Того, кто побывал там хоть однажды, тянет обратно — еще раз ощутить эту уникальную энергетику. Что же говорить обо мне — я пятнадцать лет там про-

жил! Плюс сам по себе я домашний ностальгический человек. Для меня страшнее нет, чем заход солнца в последний день перед отлетом из Иркутска... Я и фестиваль «Звезды на Байкале» придумал для того, чтобы хоть раз в год там бывать.

Но это не значит, что я не люблю Москву. В 1990-е годы, когда только приехал, — мрак и ужас, что тут творилось! Но я все равно быстро вжился в столичную атмосферу. Москва тоже стала мне родной. **А друзья в Иркутске остались?**

Самые преданные и настоящие друзья у меня с первого класса. Нет людей, с которыми я могу так расслабиться, как с ними. Им ничего не нужно, понимаете? Мы познакомились двадцать восемь лет назад, и, когда встречаемся, я словно возвращаюсь в то время. Двадцать восемь лет прошло — страшно подумать! Я, когда общаюсь с восемнадцатидевятинадцатилетними людьми, понимаю, что теоретически они могли бы быть моими детьми (*смеется*).

Но я-то ощущаю себя отнюдь не на тридцать пять лет!

В душе?

Да во всех отношениях!

Может, вы потому и не женитесь, что чувствуете себя молодым, к тому же родители всегда рядом.

Это так. Но я и не маменькин сынок, который не может решиться на серьезный шаг. Просто расчитать, когда это произойдет, невозможно. Другого ответа на вопрос, почему я до сих пор не женат, у меня нет.

А мне кажется, для вас семья — это пример родителей. То есть раз и навсегда — как говорится, «до гробовой доски». Очень высокий уровень ответственности.

Да. Видимо, еще не слезла с дерева та, которая мне нужна. Надо внимательнее присмотреться к деревьям! (Смеется.)

К тому же ваша жизнь расписана... ..до 2014 года!

И так с самого детства.

Нет, что вы! До шестнадцати-семнадцати лет у меня и мысли не было о том, что музыка станет моей профессией. Скорее, спортивная история: спорт для меня тогда был главным в жизни. Игра в хоккей, футбол. Если бы в 1991 году я не уехал из Иркутска, как это ни печально звучит, боюсь, что с музыкой ничего бы не вышло. Просто так легли карты.

Но и вы, вероятно, приложили для этого какие-то усилия?

В нашей профессии нет законов достижения успеха. У большинства людей после института выстраивается более-менее понятная история. А тут школа, консерватория, аспирантура — и все! Невозможно представить себе, что будет дальше. Девяносто пять процентов остаются на улице, завязывают с профессией, в лучшем случае играют в ресторанах и переходах. Это трагедия нашего цеха, и так было всегда. Причем не только в нашей стране. В Австрии я знаю одного профессора — весьма знаменитого, — так он заставляет своих студентов играть в переходе. Чтобы была хоть какая-то практика, чтобы они хоть для кого-то играли, не теряли форму.

Негде играть! Мы пришли к тупиковой ситуации, когда невыгодно вкладывать в молодые таланты: слишком много времени и затрат. Теперь принято так: известный исполнитель, известный дирижер, известный концерт — заработали деньги и разошлись. Я прикладываю максимум усилий, чтобы это преодолеть, — речь идет о фестивале «Крещендо» и «Новых именах». Все делаю для того, чтобы у молодых тоже был шанс.

Но и вы не в золотые времена вошли в «золотую десятку».

В моем случае постарались родители: бросили все и увезли меня в Москву. Да, рисковали. Но если бы мы тогда не уехали, было бы еще хуже. Просто в том, что касается моей семьи, главное — позитивный настрой и невероятный юмор.

Ни разу не было такого, чтобы я возненавидел занятия музыкой

А сами-то вы верили, что получится?

Какая вера?! Я ехал смотреть на своих кумиров — «Спартак» — вживую на стадионе! Помню, когда «Спартак» стал чемпионом в 1992 году (мой первый чемпионат России), я выбежал с фанатами на поле, получив дубинкой от милиционера, и всех подбрасывал — Радченко, Карпова, Романцева... Тех, чьи голы я записывал в тетрадку, сидя в Иркутске перед телевизором, когда смотрел по ночам прямые трансляции. И вдруг — Москва, Лужники! Вот куда я ехал, а не в ЦМШ! Понимал, конечно, что учусь в какой-то большой школе, что у меня все хорошо получается, но это было не главное. Даже когда «Новые имена» взяли меня в оборот — начались концерты, поездки, — я даже тогда не понимал, что это серьезно. Это был такой кайф, экзотика: штаб-квартира НАТО в Нью-Йорке, английская королева, папа римский, тайский король... И я — мальчик из Иркутска...

Вы понимали, что вы такой — один на миллион?

Да, наверное, понимал, что мы — избранные. Нас было много, огромная команда. Последнее поколение. Инерция той еще, советской школы. Со временем почувствовал, что умею чем-то привлечь аудиторию, что людям интересно меня слушать. И от этого самому становилось интереснее играть. Так и подсел на концертную атмосферу, которую полюбил еще в детстве.

У меня в семье все музыкальные. Родители — пианисты. Бабушки-дедушки, хоть и не были музыкантами (физики, железнодорожники, инженеры), но все играли на музыкальных инструментах. Причем на нескольких! Аккордеон, гитара, мандолина, конечно же, фортепиано... Каждую неделю они устраивали домашние концерты — собира-

лись, пели. Вся оперетта, все кино, все советские песни и русские романсы, весь этот джаз, который я так люблю, — все оттуда.

Я не только играл на фортепиано, но и делал пародии, устраивал кукольный театр. Получалось настоящее домашнее шоу на час. Целая программа! По Иркутску даже слух об этом пошел, многие хотели попасть к нам. И мне это нравилось. Помню, что всегда готовился, придумывал с папой сценарии, учил, озвучивал, был мультиинструменталистом, куплетистом. И мне это помогло в дальнейшем определиться. Лет в восемнадцать-девятнадцать уже понял: не исключено, что музыка станет моей профессией. Заметьте, за четыре года до конкурса им. Чайковского!

Вы никогда не бунтовали против такого размеренного течения своей жизни?

Нет. Ни разу не было такого, чтобы я возненавидел занятия музыкой. Всегда понимал, что это

ФОТО Павел Ангонов

главное и единственное, чем могу привлечь других. Хотя я и футболистом был неплохим, подавал большие надежды в нашей юношеской сборной в Иркутске. Левый нападающий, в каждом матче забивал по два-три гола. Рубился до конца, как настоящий спортсмен. Футбол был для меня всем!

Получается, что ваши родители лишили вас престижной, хорошо оплачиваемой профессии.

Для того чтобы заниматься спортом всерьез, надо было раньше уезжать из Иркутска. К тому же, будучи спортсменом, сейчас я бы уже закончил свою карьеру. И не факт, что оказался бы в хорошем клубе! Для футболиста тридцать пять лет — это все. Уже надо переходить на тренерскую работу. Преимущество профессии музыканта в том, что он умирает на сцене. В лучшем случае, конечно, если все в порядке со здоровьем.

Да, для музыканта тридцать пять — младенчество.

А дирижер в этом возрасте еще даже не родился!

Но болеть за любимую команду можно в любом возрасте.

Я был настоящим фанатом! Застал еще ту публику, которая ходила на футбол как на футбол. Обсуждали футбольные перипетии, а не разучивали кричалки. Сейчас на стадионе что в основном обсуждают? Кто куда перешел, за сколько кого купили, скандалы и прочее. Сам футбол потерял смысл. И агрессии тогда не было, в 1992 году весь этот ужас только зарождался. Мы не кидали шашек, не занимались провокациями.

Традиционно все творческие люди болеют за «Спартак». МХАТ всегда был «спартаковским». Яншин, Грибов, Прудкин — все они ходили на стадион, а спортсмены — на спектакли МХАТа. Так же и в консерватории — восемьдесят

процентов «спартаковцев». Наверное, потому что их футбол всегда был очень артистичным. Этой команде невозможно не восхищаться, потому что они играют для публики. А личности «Спартака»? Те же Черенков, Родионов, Гаврилов, Шавло, Дасаев... О чем мы говорим! И это все передавалось из поколения в поколение.

Последние десять лет мы все мучаемся и страдаем от того, что не можем найти свою игру. Куда пропал «спартаковский» футбол? Сейчас не играют мелкие пässe — все эти «кружева», «карусель», как их называли раньше. Сердце начинало щемить!

Но, несмотря ни на что, я по-прежнему со своей командой и никогда ее не покину. Не продам «Спартак», потому что это часть моей жизни. Невозможно передать

Конечно, концерты выматывают — за три часа на сцене сбрасываю 3—4 кг

ФОТО Павел Антонов

На репетиции перед сольным концертом в Карнеги-холл (Нью-Йорк)

ощущения при слове «спартаковец», я называю это «химией». Чувство полета сродни тому, что бывает на сцене. Вообще «команда» для меня — близкое и понятное слово. **У вас есть что-нибудь красно-белое в гардеробе?** Маек пятнадцать «Спартака», начиная с 1987 года. Конечно. Я дружу со многими футболистами, мне дали абонемент на все матчи «Спартака». К сожалению, не получается ходить так часто, потому что я в Москве бываю двадцать пять дней в году. **Вижу, вы человек увлекающийся. Безумно.** А что еще забирает вас целиком — кроме музыки, конечно? Не хочу говорить «хобби», потому что это слово легкомысленное, а в вашем случае, я вижу, все очень серьезно. Интернет — конечно, в разумных пределах. Например, Skype — я считаю, что это придумали гении! Два эстонских парня, кстати говоря. Практически каждый день окунаюсь в него. Вообще в Интернете много интересного — например, сайт YouTube, где можно найти что угодно! Любые уникальные концерты. Но мне не нравится, когда люди уходят в эту виртуальную

реальность настолько, что не могут в глаза сказать человеку: «Я тебя люблю». Шлют sms либо e-mail или признаются по скайпу без видео. Жалко становится таких людей. **Вы можете?** Конечно. Я до сих пор пишу письма ручкой на бумаге. Кладу в конверт и опускаю в почтовый ящик — мне это ближе, чем enter и tab. Здорово, конечно, когда послание доходит за секунду, но, согласитесь, в настоящем письме есть что-то неуловимое... **Волнительное, трепетное, как перед экзаменом... А, скажем, перед концертом вы волнуетесь? Это ведь тоже своего рода «рукописное послание» публике.** Никогда в жизни не волновался перед выступлением. Хотя нервы, безусловно, присутствуют: внутри все начинает кипеть, я мечтаю вырваться на сцену как можно быстрее. Обожаю этот момент! Еще в детстве на домашний концерт или в школу на зачет по гаммам шел как на праздник. (Хотя гаммы ненавидел играть, не понимал, зачем они вообще нужны.) Так что без ста шестидесяти концертов в год, которые я сейчас играю, было бы очень тяжело! Конечно, они выматывают — за три часа на сце-

не сбрасываю 3—4 кг, — но при этом дают мне огромную силу. Я называю это сценотерапией. Вы знаете, сколько за последние пять лет появилось новой публики? Целое поколение пришло на концерты, увидев меня в каких-то передачах. Я намеренно шел на телевидение: понимал, что старое поколение уходит и, если я не приведу в залы новую публику, будут совсем кранты! Иногда, конечно, организм дает сбой: десять раз в году летать в Америку тяжело. Я уже знаю, как звучат разные самолеты. Если российский самолет — одна нота, «аэробус» — другая, «боинг» — третья... Поэтому, когда во время взлета или посадки слышу не ту ноту, понимаю: что-то не так. Сразу начинаю переживать. **Создаете панику среди пассажиров?** Да, я люблю пугать сидящих рядом людей! Раньше сам боялся летать, пил коньяк перед взлетом. Но со временем понял, что долго так не протяну: взлетаю-то я теперь каждый день! Настроился, и всякое волнение ушло. Начал изучать самолеты — общался с летчиками, много раз летал в кабине. Теперь сажусь, как в автобус или машину, а людям,

которые боятся, рассказываю анекдот. «Знаете, — говорю, — почему хорошо лететь первым классом? Потому что, когда самолет падает, тележка со спиртным второй раз мимо проезжает!» Человек вроде бы начинает паниковать, но при этом быстро расслабляется. **А тем, кому не повезло с попутчиком, да и вообще — в разных ситуациях, не только в самолете, как вы посоветуете справляться со стрессом?** Могу дать только один рецепт: если вам плохо, приходите на концерт классической музыки. Те, кто уже подсел на это дело, знают: вот оно, настоящее лекарство! Знаете, сколько людям становилось легче после моих концертов? Да и не только моих. Врачи доказали, что нормализуется давление, сердечный ритм — гораздо лучше все происходит в организме после посещения концерта классической музыки. В Токио есть специальный зал, где половина мест — для инвалидов.

В Вене, Париже, Лондоне, Нью-Йорке очень богатые люди идут в ресторан, где едят хорошее мясо и пьют хорошее вино, а потом садятся в роскошные автомобили и едут на концерт. После чего на тех же автомобилях возвращаются в большие теплые дома, где благополучно засыпают. Это понятно. Но что заставляет людей в Рязани, Владимире или Кирове — а я много езжу по России — идти пешком по морозу до троллейбуса, на последние деньги покупать билет и после концерта опять мерзнуть на остановке, чтобы вернуться в свои не самые лучшие квартиры? И это не значит, что там музыка — для развлечения, а тут — для духовного обогащения. Вовсе нет. **Значит, правы те, кто говорит, что музыка — это язык, которым можно разговаривать с небесами?** Музыкант, который выходит на сцену, не отдает себе отчета в том, что делает. Он проводник через время к композитору. Я не руковожу процессом, который происходит на сцене. Более того, не принадлежу себе в этот момент. Многие вещи рождаются спонтанно — я не знаю, чем закончится тот или иной

концерт. Бывает, полный успех, все встали и кричат «браво», а я понимаю, что и в помине не было того, что должно было быть. Уходя, думаю: «Какая лажа...», а наутро читаю статьи о самом потрясающем концерте в этом году. И наоборот. Еще Шалапин говорил: не надо связывать свой внутренний успех с тем, что ты передал публике. Этот язык интернациональный, и, конечно, есть вещи, о которых трудно говорить. **А если в критериях добра и зла? Ведь и музыка бывает разной! Как вы защищаетесь, пропуская ее через себя?** Есть произведения, которые тебя вынашивают. которым посвящаешь очень много времени — может быть, чересчур. Все зависит от того, кто находится рядом. В нашей профессии, если нет человека, которому все время показываешься, который тебя отслушивает и при этом хорошо понимает и знает тебя на сто процентов, можно и рассудок потерять. И до этого доходит, многие вообще завязывают с профессией. К счастью, в моей жизни есть люди, которые всегда рядом и точно знают, что мне нужно в тот или иной момент, чтобы я где-то себя не потерял.

Есть произведения, за которые я не берусь: знаю, что еще не готов морально. Есть и такие, которые выучил двадцать лет назад, но отложил и только сейчас к ним возвращаюсь. И дело здесь вовсе не в жанре! У меня недавно был концерт во французском городе Дижоне. Программу, которую предстояло играть, из-за безумного графика я до последнего момента даже не повторял. А когда вышел на сцену и сел за фортепиано, что-то произошло... Что-то, что сложно объяснить словами. После этого концерта мне было очень плохо, но на следующее утро — так хорошо! Теперь, когда я вспоминаю тот концерт, понимаю: ради такого стоит недосыпать, перелетать и т.д. **Играя, вы отдаете себе отчет в том, кто вы, где и что делаете? Глядя на вас в этот момент, я, честно говоря, сомневаюсь в этом.** Порой мне кажется, что я выхожу из своего тела, сажусь в зал и сам себя слушаю. Смотрю на все со стороны. Вот до каких удивительных состояний доходит. Я же говорю: это «химия»!

Лада Ермолинская

Порой мне кажется, что я выхожу из своего тела, сажусь в зал и сам себя слушаю

Выступление с оркестром в Концертном зале Мариинского театра (Санкт-Петербург)

ФОТО Павел Антонов (1), Валентин Барышевский (1)